

Научная статья

УДК 82(091)

DOI 10.17223/18137083/83/11

**Тема «жизни и смерти человека»
в рассказах о детстве И. С. Шмелева 1909–1911 годов**

Елена Юрьевна Шестакова

Филиал Северного (Арктического) федерального университета
имени М. В. Ломоносова в Северодвинске
Северодвинск, Россия

shestakova.lena2013@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5764-0576>

Аннотация

Раскрывается своеобразие художественного решения темы «жизни и смерти человека» в рассказах о детстве русского писателя первой половины XX в. Ивана Сергеевича Шмелева. Для анализа избраны произведения «Полочка», «На морском берегу», «Пряник (рассказ доктора)» и «Звезды», созданные в 1909–1911 гг. В рассказах писатель обращается к онтологическому осмыслению вопросов смысла человеческой жизни, смерти и страданий. Раскрытие темы бытийных основ существования человека сопровождается природным фоном, вступающим в неразрывные отношения с героями. Обретение человеком сущностных ориентаций, базовых константных определений бытия происходит через книгу и чтение, осмысляющихся непреходящими духовными сокровищами. Процесс творчества включается в общую онтологическую проблематику, смыкающуюся с феноменами, определяющими целостность и уникальность каждой человеческой судьбы, – жизнью и смертью.

Ключевые слова

И. С. Шмелев, тема «жизни и смерти человека», рассказы о детях, образ ребенка, творчество

Для цитирования

Шестакова Е. Ю. Тема «жизни и смерти человека» в рассказах о детстве И. С. Шмелева 1909–1911 годов // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 139–151. DOI 10.17223/18137083/83/11

**The theme of “the life and death of a man”
in the stories about the childhood of I. S. Shmelev 1909–1911**

Elena Yu. Shestakova

The Branch of the Northern (Arctic) Federal University
named after M. V. Lomonosov in Severodvinsk
Severodvinsk, Russian Federation

shestakova.lena2013@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5764-0576>

Abstract

This paper deals with the artistic solution of the theme of “the life and death of a man” in the stories about the childhood of the Russian writer, Ivan Sergeevich Shmelev. The analysis co-

© Шестакова Е. Ю., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 139–151
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 2, pp. 139–151

vers the works created in 1909–1911 that have not been investigated so far, indicating the novelty of the study. Archival materials and little-known texts of Shmelev are introduced into scientific circulation. The stories “Shelf,” “On the Seashore,” “Gingerbread (the doctor’s story),” and “Stars” ontologically address the issues of the purpose and meaning of human life and death. The theme of human existence is disclosed in the works concerned, accompanied by the natural background entering into an inseparable relationship with the characters. The spiritual antithesis principle – the semantic dominant of the stories – highlights the outcome of earthly and postmortem human existence. The antinomy of ideal and reality is interpreted as heroes’ aspiration for the “world of God.” Human powers and opportunities addressed to the harmonization of reality, overcoming the tragedy of earthly life, relief of suffering, confrontation of disease and death are comprehended by the sacred gifts of God. The image of books and reading, allowing one to acquire the basic constant definitions of being, takes a special place in the texts considered. Artistic creativity becomes a part of the general ontological problematics, close to the phenomena determining the integrity and uniqueness of each human destiny – life and death. The originality of the verbal and linguistic structure of the stories reveals the brightness and originality of Shmelev’s talent.

Keywords

I. S. Shmelev, the theme of “life and death of a person”, stories about children, the image of a child, creativity

For citation

Shestakova E. Yu. The theme of “the life and death of a man” in the stories about the childhood of I. S. Shmelev 1909–1911. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 2, pp. 139–151. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/83/11

Творчество русского писателя первой половины XX в. Ивана Сергеевича Шмелева (1873–1950), его оригинальный художественный талант, «огромное литературное мастерство» требуют «подробного и тщательного изучения» [Федоров, 2009, с. 101]. Это позволяет раскрыть «глубокий, интересный, подлинный творческий лик» писателя, показать специфику его творческой манеры, мировидения и мировосприятия, выявить стиливое своеобразие произведений «большого художника-мастера» [Там же, с. 100, 110].

Творческий путь И. С. Шмелева начинается с глубокого и пристального интереса к теме детства и образу ребенка. В произведениях, посвященных детству, писатель выступает «настоящим художником», который «не “занимает” и не “развлекает”»: он овладевает и сосредотачивает» [Ильин, 1996, с. 13]. Основной задачей автора становится художественное раскрытие читателю-ребенку вопросов, с которыми тот неизбежно столкнется в настоящей и будущей жизни. Так, в рассказах «Полочка» (1909), «На морском берегу» (1910), «Пряник (рассказ доктора)» (1910) и «Звезды» (1911) «дело идет не более и не менее, как о человеческой судьбе, о жизни и смерти, о последних основах и тайнах земного бытия» [Там же]. Несомненно, духовно-воспитательное содержание произведений, их ценностно-смысловое наполнение определяется спецификой авторского видения, индивидуального понимания онтологических основ существования человека.

Рассказ «Полочка», содержащий личностный характер повествования и написанный от первого лица, построен ретроспективно: взрослый рассказчик вспоминает события собственного детства. Мировидение девятилетнего героя-ребенка становится преобладающим в произведении, дискурс повествователя ориентируется на передачу его чувств и мыслей. Читатель, вслед за мальчиком Шурой,

впервые входит в дом дяди¹, окутанный ореолом таинственности. Загадочность жилища определяется слухами, исходящими из семьи: Михаил Васильевич слышит «странным и “книжным” человеком», который «слишком много тратит на какие-то никому не нужные вещи» [Шмелев, 2000, с. 95]. Для взрослого читателя становится понятным, что в кругу родственников дядя оказывается изгоем, презираемым человеком, чудачком, впустую тратящим свое время на чтение книг. Прием духовной антитезы, используемый автором при расстановке персонажей, обостряет необходимость личного выбора маленького героя. Ему предстоит занять позицию либо прагматичных родных, либо дяди – «книжного человека».

В детском восприятии атмосфера погруженного в полумрак дома Михаила Васильевича уподобляется «тихой, торжественной обстановке церкви» [Там же, с. 96]. Мальчик попадает в своеобразный храм, посвященный книгам и знанию, наполненный благоговейным трепетом перед этими духовными сокровищами. Одиночество хозяина, «неподвижно сидящая под потолком сова» [Там же, с. 96], усиливают робость ребенка, считающего, что он попал к сказочному страшному волшебнику. Образ совы, «символизирующей мудрость» [Кирло, 2007, с. 399] и знание, в глазах маленького героя придает пространству библиотеки особое очарование. Передача Михаилом Васильевичем совы в дар племяннику означает преемственность его любви к чтению и книге.

Образ-мотив книги, осмысляемый «сакральным предметом, несущим благоговейные чувства» [Соболев, 2018, с. 150], появляется в начале произведения: маленький герой поражается многочисленности «стройных рядов» книжных полок, «точно их собрали сюда со всего света» [Шмелев, 2000, с. 96]. Основным предметом разговора дяди с племянником становится чтение, в результате выясняется, что мальчику в семье не позволяют читать, а то, что ему всё-таки удалось прочесть, является пустой, никчемной литературой, оторванной от важных жизненных проблем. С этого момента взгляды Шуры меняются, благодаря Михаилу Васильевичу он входит в мир серьезного чтения, знакомится с книгами, «говорящими о жизни», где каждая – «часть сердца человека, которого называют писателем» [Там же, 2000, с. 97].

Исследователями прочитывается евангельский контекст в произведении. Дядя, «словно апостол, несущий Благою весть» [Соболев, 2018, с. 150], выдвигает важный критерий хорошей книги: «Она должна указывать людям, как надо и как не надо жить» [Шмелев, 2000, с. 99]. Это требование относится и к сказкам: первой книгой, подаренной Михаилом Васильевичем племяннику, стали «Сказки Андерсена», положившие начало библиотеке маленького героя.

Благотворное влияние дяди распространяется и на дворника Степана, такого же любителя чтения, как и Шура. Михаил Васильевич выполняет важную функцию «просветителя народа» [Любомудров, 2009а, с. 228]. Простой крестьянский парень впервые познакомился с «Записками охотника» И. С. Тургенева, открыл для себя красоту слога и глубину изображения характеров людей из народа. Примечательно, что данный сборник очерков И. С. Шмелев «очень высоко ценит, считая это произведение лучшим из всего созданного И. С. Тургеневым» [Сосновская, 2016, с. 337]. Книга потрясла Степана, что выразилось в благоговейном отношении к подарку: она лежала на чистом полотенце, к страницам не допускалось прикасаться пальцами, чтобы не испачкать.

---

¹ Прототипом образа героя стал дядя писателя Павел Иванович Шмелев, родной брат отца.

В образе дяди «Шмелев воплощает идею преображающего мир слова, восходящую к евангельской традиции» [Соболев, 2018, с. 150]. Чтение серьезной, глубокой литературы, знакомство с жизнью и творчеством больших русских писателей способствует быстрому духовному росту героя-ребенка. Чувствуя это, дядя начинает ставить перед мальчиком важнейшие онтологические вопросы, одним из которых является вопрос о жизни и смерти человека. Наставник стремится побудить юного воспитанника задуматься о смысле человеческой жизни и неизбежности смерти, а также о том, что каждый человек оставит после себя. В качестве примера он обращается к творческому наследию великих писателей, они продолжают жить в своих произведениях, «говорить» с читателем о ключевых проблемах бытия. Для Михаила Васильевича эти «беседы» давно стали основой существования, книги превратились в верных, надежных друзей, позволяющих открыто, смело делиться самыми сокровенными мыслями и переживаниями.

Смерть дяди стала сильнейшим эмоциональным потрясением для Шуры, впервые столкнувшись с тайной, в полной мере непостижимой, с величайшей трагедией, входящей в земное бытие каждого человека. Мальчик с радостным удивлением узнает, что дядя тоже остался «жить» в своих творениях – журнальных статьях, посвященных размышлениям о книгах. Еще одним открытием для Шуры явилось знакомство с наследником Михаила Васильевича, оставшимся совершенно равнодушным к книгам из любимой дядиной библиотеки, без сожаления распродавшим их торговцам. В результате книги «вывезли на рынок, и они разбились по уголкам и полкам», «попали на чердаки и в подвалы, на непокрытые столы, на которых никогда не лежало книги» [Шмелев, 2000, с. 106]. Сначала мальчик сильно огорчается, но по мере взросления понимает, что дядины книги выполняют свое главное предназначение – «они ходили из рук в руки и говорили так, как они могут говорить, – мыслями, втиснутыми в черные строки» [Там же]. Книга призвана самим фактом своего существования просвещать, облагораживать человеческую душу, заставлять задуматься, вызывать добрые чувства.

Столкновение со смертью в нежном детском возрасте становится ключевым, кульминационным событием в сюжетном развитии шмелевского рассказа «На морском берегу». Тема детства задается в начале произведения, когда взрослый повествователь любит играть на бульваре ребятишками. Рассказчик с умилением наблюдает за «шумными и веселыми маленькими людьми», их «оживленными лицами» и «звонкими голосками» [Шмелев, 2010, с. 297]. В тексте преобладает «голос» взрослого повествователя, ориентированный на передачу воспоминаний о воспитаннике Жоржике – «задумчивом мальчугане лет семи, с бледным лицом и ясными большими глазами» [Там же].

Ретроспективный взгляд рассказчика рождает ностальгическую интонацию, открывающую произведение и отчетливо звучащую в финале. Отметим, что о «некоторой склонности к сентиментальному лиризму» [Ильин, 1996, с. 11], характерной для первого творческого периода И. С. Шмелева, писал И. А. Ильин. Рассказ предельно искренен, интимен, задушевен, читатель ощущает, словно «при нем что-то происходит, и ему, вот, случайно посчастливилось присутствовать: не то подслушать чужой рассказ о бывшем событии или о потоке событий, не то услышать взволнованную исповедь незнакомого ему человека» [Там же, с. 14]. Автор достигает эффекта «присутствия, чувства включенности» [Там же] читателя в развитие действия.

Через картины-воспоминаний, проходящих перед глазами читателя, предваряет встречу повествователя с «рослым и коренастым, словно вылитым из меди»

дядей Жоржика – капитаном «с обветренным, свежим лицом и седеющими подстриженными усами» [Шмелев, 2010, с. 297–298]. Желая подготовить «слишком изнеженного парнишку» к встрече с будущими жизненными трудностями, он просит воспитателя выработать в мальчике «выдержку, волю и характер» [Там же, с. 298]. Повествователь соглашается, но не спешит следовать данным указаниям, считая, что «мягкость» и «чувствительность» [Там же] детского сердца – важнейшие качества, которые человеку следует сохранить в процессе взросления.

Ребенок постепенно постигает окружающий мир, который открывается перед ним с неприглядной стороны. Жоржика отличает доброта и сострадание к тем, кто попал в тяжелую ситуацию, мучается, сталкивается с трудностями. Так, он кормит бедных «мужиков с мешками» на «большой станции» [Там же, с. 300], без промедления отдав им деньги, данные накануне дядей. Мальчика ужасает тяжелый труд углекопов, вынужденных работать в полной тьме, на большой глубине, куда не проникает солнечный свет. «Светлые», «ясные» [Там же] детские глаза отражают чуткую душу, способную любить и сочувствовать.

При своей внешней хрупкости и утонченности («нежное, бледное личико», «тонкая, слабая ручонка» [Там же]), Жоржик обладает твердым характером. Он смело заступает за выгнанного дядей повара Архипа, вынужденного, вероятно, голодать или идти «копать уголь» [Там же, с. 301]. Ничего не сказав своему воспитателю, мальчик ранним утром отправляется спасать черепах, обреченных дядей на смерть, выкидывает их из ямы и отпускает на свободу. Жоржик стремится восстановить справедливость в окружающем мире, наполнить его добрыми, бескорыстными поступками, напомнить взрослым о необходимости милосердия и прощения.

В окружении мальчика, живущего сердцем, оказываются «люди чувства», «не расщепленные рефлексией» [Ильин, 1996, с. 30]. В воспитателе, «интеллигентном и культурном человеке», «рефлексия рассудка не сломала и не развела чувства» [Там же, с. 30]. Дядя лишь стремится казаться холодным и жестким человеком, но его поведение во время происшествий, описанных в рассказе, свидетельствует о доброте и склонности к сентиментальности. Старый грек Димитраки привлекает внимание Жоржика и становится его другом благодаря умению любить людей и животных.

Бедность Димитраки, его отшельнический образ жизни, близость к природе (черепаха является его домашним животным) ассоциативно связывается Жоржиком с рассказами о святых. Старик сохраняет твердую веру в Бога, доброту, «ясное <...> чистое сердце» [Шмелев, 2010, с. 309], несмотря на страшные испытания, выпавшие на его долю: потеря близких, родины, дома, полное одиночество, нищета. На взгляд повествователя и маленького героя, такое отношение к жизненным испытаниям должно быть нормой для каждого человека. Более того, Димитраки оказывается способен на самопожертвование: он получил благодарность от «начальника» за спасение пяти тонувших людей. Старый грек – человек «острого, тонкого и непосредственного чувства, простец сердца» [Ильин, 1996, с. 30]. Он «живет как бы с открытым или обнаженным сердцем», «выстрадавая себе свет и постижение» [Там же, с. 31]. Повествователь и Жоржик остро ощущают «его духовность, те скрытые благие и живые силы души, без которых немислимо существование человека на земле» [Там же, с. 32].

Мальчика особенно привлекает в старике его любовь к природе, умение понимать и общаться с животными. «Нора» грека расположена в живописнейшем мес-

те, напоминающем рай: «<...> здесь было так много солнца, так благодушно по-чвокивали где-то неподалеку дрозды, звонко-весело гремели цикады, пышно разросся по склону холма дикий чеснок, и снежные каперсы так чудесно сияли атласными, нежными цветами» [Шмелев, 2010, с. 309]. «Ученая черепаха» ежедневно приходит в убогое жилище Димитраки и, «проявляя большую сообразительность», «просит» [Там же] хозяина накормить ее. По сути, животное является единственным живым существом, помогающим старику преодолеть тоску одиночества. Грек смиренно благословляет каждый свой прожитый день, и вслед за ним благодарственную молитву возносит повествователь: «Да благословен Тот, Кто дал его, Кто дал нам глаза, чтобы видеть чудесную жизнь под солнцем! И это море. <...> Да благословен Тот, Кто дал жизнь! Черепахи, маленькие каменные черепахи! И вам дана жизнь, и мошкам, и былинке <...>» [Там же, с. 330].

Димитраки становится примером достойной жизни и стойкости при встрече со смертью. Гибель семьи не озлобляет его и не приводит в состояние крайнего отчаяния. Напротив, старик находит в себе силы жить дальше, творить добро и благодарить Бога за всё, что Он послал ему. Тема смерти, входящая в текст вместе с образом Димитраки, получает продолжение и развитие в изображении судьбы Жоржика. Время, запечатленное в произведении, является переломным моментом в жизни маленького героя: он находится в тягостном ожидании развития болезни мамы, горячо надеясь на ее выздоровление, но сталкивается со смертью самого близкого и родного человека.

Жоржик, ощущая сильную эмоциональную связь с матерью, сквозь огромное расстояние чувствует изменения в состоянии ее здоровья и настроения. Внутренние мысли и переживания ребенка соотносятся с природным окружением. О. Н. Сорокина особое внимание обращала на «удивительное ощущение русского пейзажа», составляющего «художественную силу писателя Шмелева» [Сорокина, 2009, с. 62]. Если маленький герой грустит, то небо предстает «в нежном освещении вечера», а «морской куличок одиноко стоит на бережку» [Шмелев, 2010, с. 337]. Весть об опасном ухудшении здоровья мамы Жоржика сопровождается морской бурей, заставляющей «шуметь деревья в саду», «наползать тучи» и «играть свет молний» [Там же, с. 340]. В изображаемой писателем природе «нет мертвого, безразличного, “немого” и “глухого”» [Ильин, 1996, с. 29], всё в ней сочувствует, сопереживает человеку.

В рассказе «На морском берегу» писатель воссоздает образ мира, наполненного неизбежными страданиями и скорбями. Не случайно И. А. Ильин называл И. С. Шмелева «поэтом мировой скорби», ведущим своих героев «от страдания к очищению, просветлению и радости» [Там же, с. 54, 56]. Крестник и внучатый племянник И. С. Шмелева Ивистион Жантийом-Кутырин, вспоминая о своих детских впечатлениях, отмечал: «Тетя Оля читала мне рассказы мужа, созданные для детей. Некоторые из них вызывали у меня слезы: “Мэри”, “На морском берегу” <...>» [Жантийом-Кутырин, 2010, с. 353].

Жоржик, пережив смерть матери, испытывает «тяжелое потрясение», но продолжает свой жизненный путь, осознавая его как неизбежное крестное страдание. Образ-символ креста, появляющийся в финале произведения, становится воплощением несгибаемости духа человека, мужественно «смотрящего горю в лицо» [Шмелев, 2010, с. 325].

«Лучшее, доброе и светлое, присущее душе человека» [Дунаев, 2009, с. 176], в шмелевском рассказе противостоит тяжелой и неприглядной действительности. Эти ценнейшие сокровища человеческого духа помогают примириться и преодо-

леть страдания, несправедливость, зло. Вместе с тем герои рассказа охвачены чувством острой тоски по миру идеальному, прекрасному, отличному от земной реальности, которая их окружает. В мечтах Жоржика воплощением такого идеального мира становится образ «голубой страны», где «всё голубое: небо, земля и воздух» [Шмелев, 2010, с. 343]. У жителей ее «светлы лица», «нет там ни горя, ни тусклых глаз, ни черных, скоробленных рук», «не дрожит от ударов жизни старая голова, не гнутся спины» [Там же]. И, конечно, полностью отсутствует смерть, а жизнь длится вечно. В этом образе заключена «тоска героев по “миру Божьему”, <...> “горнему”» [Любомудров, 2009а, с. 230], небесному раю, где все живы, счастливы и нет места смерти и страданию.

Тема смерти и цели человеческой жизни становится главным предметом художественного изображения в рассказе И. С. Шмелева «Звезды». Ведущим в произведении является уже отмеченный нами выше прием духовной антитезы, определяющий специфику изображения «взрослых» героев. Расчетный чиновник Никольский Михаил Иванович, многодетный отец, живет сиюминутными земными заботами. Его главной целью становится не соблюдение благочестия, в чем его с горечью упрекает мать (нельзя в рождественский пост есть до первой звезды), а угождение столоначальнику, пожелавшему в Сочельник посетить подчиненного и «сыграть в преферансик»². Для этого случая накрывается стол, уставленный разнообразными кушаньями. Гости, приглашенные в дом в предрождественский вечер, оказываются под стать хозяину: столоначальник Иван Васильевич, канцелярский чиновник Гвозьков, помощник бухгалтера играют в карты, без меры опиваются, а предметом их разговоров является наследство, полученное сослуживцем, размер «наград» и зарплат.

Совсем иное духовное устройство свойственно свояченице Михаила Ивановича, которая приехала из села навестить родственников. Она работает учительницей, несмотря на небольшую зарплату, щедро одаривает племянников. Ее умение ладить с детьми, ласковость, терпеливость с удивлением отмечается Михаилом Ивановичем: «Как с детьми умеет обращаться. <...> А у меня гам-содом всегда»³. Однако случайно подслушанный рассказ учительницы о звездах, преподанный детям, вызывает в нем сильнейшее негодование и возмущение. Девушка облекает в доступную детскому пониманию сказочную форму христианское представление о смерти и воздаянии, получаемом человеческой душой после окончания земного пути.

Образ звезды в произведении многозначен. Она осмысливается обычным небесным светилом: учительница «смотрела на звезды, <...> они мерцали, играли в морозной далекой-далекой синеве»⁴, и одновременно Вифлеемской звездой, ознаменовавшей Рождество Христово. Метафорически-сказочные образы звезд воссоздаются в ночном рассказе учительницы, адресованном племянникам. Образ «усатой <...> большой» звезды, на которой «терпеливые живут», становится прообразом рая, где «всё зеленое <...> травка, цветы <...> и солнышко всегда-всегда»⁵. На «голубой» звезде «будут жить, кто в подвалах живет <...> все бедные, грязные <...>, у кого платья нет»⁶. Посмертным воздаянием нищих станут

---

² НИОР РГБ. Ф. 387. Карт. 6. Ед. хр. 10. Л. 1.

³ Там же. Л. 1 об.

⁴ Там же. Л. 5.

⁵ Там же. Л. 2 об.

⁶ Там же.

«бриллиантовые серебряные платья» и «хрустальные башмачки»⁷. Образ райского Эдема, полного «садов роскошных», музыки и поющих цветов, получает воплощение на звезде, собирающей «самых ласковых, <...> которые никогда не ругались, обладали даром смирения и кротости: «<...> их ругали, а они сами не ругались»⁸. Особое место отведено «всем злым, нехорошим, ворам, обманщикам, дурным людям, которые бедным не помогают», они помещаются на «черную звезду», где «ничего нет, а всё в темноте, <...> и они будут плакать»⁹. Сюжет о преображении мира, данный в Откровении Иоанна Богослова¹⁰, в рассказе учительницы связывается с образом «новой большой бриллиантовой звезды»¹¹. Этот образ воплощает представление о единении всех людей в Христовой любви, а также о прощении Богом всех грехов: «Всех на радостях Бог простит»¹².

Если дети воспринимают повествование тети с абсолютным доверием, то Михаил Иванович с возмущением называет его «ложью» и «враньем»¹³. В рассказе автор обнаруживает «умение тонко индивидуализировать персонажей с помощью их речи» [Черников, 1995, с. 105]. «Неповторимый, присущий одному (герою. – *Е. Ш.*) язык» [Там же, с. 106] помогает выявить различия духовных устремлений. Так, говоря о детях, Никольский прибегает к бранным, грубым словам и выражениям («рощу болванов», «в башку вколачивать», «в башке кашу носит»¹⁴), а нарочитое переиhrание стихотворной строчки Н. А. Некрасова свидетельствует о невежестве героя. Напротив, вежливое и мягкое обращение к племянникам («Как тебе не стыдно, Миша», «Как нехорошо», «Надо уметь терпеть, ждать», «Танечка, надо платочком»¹⁵), дословное воспроизведение некрасовской строчки («Сейте разумное, доброе, вечное. <...> Сейте!»¹⁶) характеризует учительницу как человека думающего, тонкого, хорошо образованного.

Суть конфликта Михаила Ивановича и свояченицы вербализирована, выявлена в диалоге, где преобладающим является мнение хозяина дома. Герой твердо убежден в необходимости каждого человека быть укорененным в практичных, земных заботах, ему представляется непозволительным и даже стыдным витать в облаках и устремляться к бесплодным мечтам. Звезда в его восприятии не может иметь ничего общего с посмертным воздаянием, она является «наградой», приносящей материальный достаток и успех в карьере. Из этого вытекает понимание Михаилом Ивановичем процесса воспитания детей, которое должно не умягчать и возвышать душу («А то какой мармалад! Стихи разные им <...> и трогательно»), а учить «зубы вострить», чтобы в будущем они могли «за глотку – так за глотку»¹⁷. Гвоздьков, поддерживая хозяина дома, также опошляет представление о звезде: «Ты послушай как до звездочки пьют. <...> Знаете? Все кругом мис-

---

⁷ НИОР РГБ. Ф. 387. Карт. 6. Ед. хр. 10. Л. 2 об.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ «И видех небо ново и землю нову: первое бо небо и земля преидоша, и моря несть к тому» (Откр. 21:1).

¹¹ НИОР РГБ. Ф. 387. Карт. 6. Ед. хр. 10. Л. 2 об.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Л. 4 об.

¹⁵ Там же. Л. 1 об.

¹⁶ Там же. Л. 4.

¹⁷ Там же. Л. 4 об.

ки и из нее хлебают чашками, по череду <...> и отваливаются. <...> И вот получается звезда, ногами в чашку»¹⁸.

Детское миропонимание в рассказе «Звезды» становится основным духовно-нравственным критерием в вопросе о человеческой жизни и смерти. Ребенок воспринимает христианские истины сердцем, интуитивно ощущая их правоту. В рассказе «Пряник (рассказ доктора)» герои-дети также являются нравственно-ценностным центром, определяющим основные, ключевые проблемы текста. Произведение изобилует детскими образами, главный «взрослый» персонаж – земский доктор Николай Васильевич – оказывается постоянно окружен детьми. С поздравлениями в честь его двадцатипятилетней службы приходят школьники под руководством учителя, девятилетняя дочка Таша внимательно слушает рассказы отца. Образ сытых крестьянских детей из деревни Большие Ветлы, которые «шныряли <...> с громадными дымившимися ломтями <...> хлеба», «объедались им и закусывали лепешками», гармонирует с образами «золотых полей в море яркого солнца», полных «медового жара» и «густого аромата»¹⁹. Встречающие приехавших врачей ребята уподобляются «кучам крикливых воробьев, которым выкинули горсть зерен», и они «прыгали вокруг, вздымая тучи золотившейся на солнце пыли»²⁰. С детьми связан смысл труда и жизни доктора.

Композиционная структура произведения двухчастна, в начале рассказа возникает образ «довольной и покойной деревни» Большие Ветлы. Сквозной образ золотого цвета («Стоял среди золотых волн», «<...> шли в золотом море в золотых лучах <...> земли», «Как золото сверкала переливающаяся на ветерке полная рожь»²¹) пронизывает описываемое пространство, наполняя его идиллическими мотивами. Перед читателем возникает образ благодатного Божьего мира, осененного Его пристальной заботой и благословением. В деде Антоне, изба которого стала временным пристанищем доктора, видится рассказчику «что-то библейское, патриархально спокойное и простое»²². Старик полон веры в особое Божие благоволение к его дому и потомкам: «И на каждом слове у деда Антона был – Господь. <...> Дед Антон рассказывал нам про травы, и его <...> глаза светились такой детской радостью, в них было так много тихого света и доброты, что казалось, и в нем пребывал Господь»²³.

Однако Бог посылает старику тяжкие испытания – неурожай, голод, смерть внуков. Тема страданий человека и в этом рассказе становится основной. Дед Антон проходит путь ветхозаветного Иова, теряющего дом, семью, материальное благополучие. Венцом страданий ветхозаветного праведника явилась гибель детей: «<...> Внезапу ветер велик найде от пкстыни и коснеся четырем углом храмины. И паде храма на дети твоя и скончаша. <...> Тако услышав Иов, востав растерза ризы своя и остриже власы главы своея и посыпа перстию главу свою <...>» (Иов 1:18–20). Глаза деда Антона после мучительной смерти маленьких внуков от голодного тифа перестали излучать радость и довольство, в них появились растерянность, страх и страдание: «И первое слово, которое я услышал от него, <...> были: – Вот, баринок, <...> погибаем»²⁴. Этот взгляд настолько потрясает докто-

¹⁸ НИОР РГБ. Ф. 387. Карт. 6. Ед. хр. 10. Л. 5.

¹⁹ Там же. Карт. 5. Ед. хр. 5. Л. 2–3.

²⁰ Там же. Л. 2.

²¹ Там же. Л. 2–3.

²² Там же. Л. 3 об.

²³ Там же. Л. 4 об.

²⁴ Там же. Л. 6 об.

ра, что он решает во что бы то ни стало спасти Микешку – единственного оставшегося в живых внука старика, находящегося в крайне тяжелом состоянии. Ребенок становится для доктора воплощением всего самого светлого, чистого, доброго, того будущего, которое необходимо сохранить, может быть, ценой собственной жизни. С этого момента в рассказе на первый план выходит важная для всего творчества И. С. Шмелева тема – «глубочайшей любви и сострадания человеку» [Любомудров, 2009а, с. 228; 2009б, с. 12].

Произведение пронизано пафосом человеческого труда и самоотверженности, идея об огромных возможностях, талантах и способностях, которые вложены в человека Богом, является преобладающей в тексте. Все полученные, накопленные знания, опыт, силы и энергию доктор отдает для спасения жизни мальчика: «<...> я напряг всё, что было в моей власти, <...> что-то сказало во мне. Ты должен его спасти. <...> Казалось мне, что если я спасу Микешку, я всё сделаю <...> в Микешке воплотилось для меня всё страдающее и потрясенное»²⁵. Господь вкладывает в сердце врача страстное желание вылечить ребенка, вместе с тем он сам прикладывает большие усилия для того, чтобы победить болезнь мальчика. В итоге доктор с полной уверенностью утверждает: «<...> я спас Микешку. Да, спас я его»²⁶. Этот случай, произошедший в начале профессионального пути, стал для Николая Васильевича определяющим. Врач, ежедневно сталкивающийся с решением вопроса о жизни и смерти человека, должен все свои усилия направить на то, чтобы жизнь победила смерть. Отсюда исходит понимание большой ответственности доктора за процесс и результат своего труда. Образ пряника, вынесенный в заглавие рассказа, обретает важное символическое значение прежде всего для самого героя. Черный, черствый, состоящий в основном из горькой травы «пряник», который ели дед Антон и Микешка во время страшного голода, много лет хранится в доме Николая Васильевича. Для доктора он является напоминанием о том, что в самой безвыходной ситуации нельзя опускать руки, сомневаться в своих силах и возможностях, но необходимо самоотверженно трудиться и бороться.

Таким образом, для рассказов И. С. Шмелева 1909–1911 гг., посвященных теме детства, характерно обращение к важнейшим вопросам бытия – смысла и цели человеческой жизни, неизбежности смерти и правильном ее восприятии. В исследуемых произведениях темы детства, жизни и смерти неразрывно связаны с темой страдания, включенной в христианский контекст. Образ страдающего человека, стойко переносящего все невзгоды и беды, но не теряющего веры в Бога, любви к жизни и людям, становится ключевым в рассказах. Образ природы в произведениях поэтизируется, включается в общую эмоционально-духовную жизнь с человеком. Образ книги, вопрос о важности, необходимости чтения для духовного становления личности ребенка смыкаются с темой жизни и смерти человека. Процесс творчества осмысливается художественным актом, дарующим бессмертие. Прием духовной антитезы, используемый автором в рассказах, обнажает проблему понимания героями цели человеческого существования, представления об итогах земного и посмертного бытия человека. Противопоставление идеала и действительности, намеченное в произведениях, трактуется как тоска героев по «миру Божьему», иной духовной реальности, исключающей страдание, муки и смерть. Человеческие силы и возможности интерпретируются как дары Господа, исполь-

---

²⁵ НИОР РГБ. Ф. 387. Карт. 5. Ед. хр. 5. Л. 7.

²⁶ Там же. Л. 7 об.

зубые для гармонизации реальности, преодоления трагических основ бытия, облегчения страданий, борьбы с болезнью и смертью. Стилизовое и языковое своеобразие рассказов, индивидуализация речи персонажей позволяют говорить о яркости и самобытности таланта писателя.

Список литературы

- Дунаев М. М. Духовный путь И. Шмелева // Духовный путь Ивана Шмелева: статьи, очерки, воспоминания. М.: Сибирская Благовонница, 2009. С. 352–369.
- Жантйюм-Кутырин Ив. Мой крестный: воспоминания об Иване Шмелеве. Письма И. Шмелева. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2010. 174 с.
- Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. М.: Русская книга, 1996. Т. 6, кн. 1. 560 с.
- Кирло Х. Словарь символов. 1000 статей о важнейших понятиях религии, литературы, архитектуры, истории. М.: Центрполиграф, 2007. 525 с.
- Любомудров А. М. Богоищущая душа // Духовный путь Ивана Шмелева: статьи, очерки, воспоминания. М.: Сибирская Благовонница, 2009а. С. 225–282.
- Любомудров А. М. Иван Сергеевич Шмелев. Биография // Духовный путь Ивана Шмелева: статьи, очерки, воспоминания. М.: Сибирская Благовонница, 2009б. С. 9–20.
- Соболев Н. И. Динамическая поэтика рассказа И. С. Шмелева «Полочка» (от рукописи к печатному тексту) // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16, № 2. С. 140–156.
- Сорокина О. Н. Творческий путь И. С. Шмелева в эмиграции // Духовный путь Ивана Шмелева: статьи, очерки, воспоминания. М.: Сибирская Благовонница, 2009. С. 60–87.
- Сосновская О. А. Образ книги в ранней прозе И. С. Шмелева // Проблемы исторической поэтики. 2016. № 14. С. 333–345.
- Федоров Н. И. Судьба Шмелева // Духовный путь Ивана Шмелева: статьи, очерки, воспоминания. М.: Сибирская Благовонница, 2009. С. 101–111.
- Черников А. П. Проза И. С. Шмелева: концепция мира и человека. Калуга: Калуж. обл. ин-т усовершенствования учителей, 1995. 341 с.
- Шмелев И. С. Полочка // Шмелев И. С. Собр. соч.: В 5 т. М.: Русская книга, 2000. Т. 8 (дополнительный). Рваный барин. Рассказы. Очерки. Сказки. С. 95–107.
- Шмелев И. С. На морском берегу // Детям: Сборник. М.: Дет. лит., 2010. С. 297–343.

Список архивов

Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 387. Карт. 5. Ед. хр. 5. Шмелев И. С. Пряник (рассказ доктора); Карт. 6. Ед. хр. 10. Шмелев И. С. Звезды.

References

- Chernikov A. P. *Proza I. S. Shmeleva: kontseptsiya mira i cheloveka* [I. S. Shmelev's prose: the concept of the world and man]. Kaluga, Kaluzh. obl. in-t usovershenstvovaniya uchiteley, 1995, 341 p.
- Dunaev M. M. *Dukhovnyy put' I. Shmeleva* [The Spiritual Path of I. Shmelev]. In: *Dukhovnyy put' Ivana Shmeleva: stat'i, ocherki, vospominaniya* [The Spiritual Path of

Ivan Shmelev: articles, essays, memoirs]. Moscow, Sibirskaya Blagozvonitsa, 2009, pp. 352–369.

Fedorov N. I. Sud'ba Shmeleva [The fate of Shmelev]. In: *Dukhovnyy put' Ivana Shmeleva: stat'i, ocherki, vospominaniya* [The spiritual path of Ivan Shmelev: articles, essays, memoirs]. Moscow, Sibirskaya Blagozvonitsa, 2009, pp. 101–111.

Il'in I. A. *Sobr. soch.: V 10 t.* [Collected works: In 10 vols.]. Moscow, Russkaya kniga, 1996, vol. 6, bk. 1, 560 p.

Kirilo Kh. *Slovar' simvolov. 1000 statey o vazhneyshikh ponyatiyakh religii, literatury, arkhitektury, istorii* [Dictionary of symbols. 1000 articles on the most important concepts of religion, literature, architecture, history]. Moscow, Tsentrpoligraf, 2007, 525 p.

Lyubomudrov A. M. Bogoishchushchaya dusha [The God-seeking soul]. In: *Dukhovnyy put' Ivana Shmeleva: stat'i, ocherki, vospominaniya* [The spiritual path of Ivan Shmelev: articles, essays, memoirs]. Moscow, Sibirskaya Blagozvonitsa, 2009a, pp. 225–282.

Lyubomudrov A. M. Ivan Sergeevich Shmelev. Biografiya [Biography]. In: *Dukhovnyy put' Ivana Shmeleva: stat'i, ocherki, vospominaniya* [The spiritual path of Ivan Shmelev: articles, essays, memoirs]. Moscow, Sibirskaya Blagozvonitsa, 2009b, pp. 9–20.

Shmelev I. S. Na morskom beregu [On the seashore]. In: *Detyam: sbornik* [For children: collection]. Moscow, Det. lit., 2010, pp. 297–343.

Shmelev I. S. Polochka [Shelf]. In Shmelev I. S. *Sobr. soch.: V 5 t.* [Collected works: In 5 vols.]. Moscow, Russkaya kniga, 2000, vol. 8 (additional). Rvanyy barin. Rasskazy. Ocherki. Skazki. [A ragged gentleman. Stories. Essays. Fairy tales], pp. 95–107.

Sobolev N. I. Dinamicheskaya poetika rasskaza I. S. Shmeleva "Polochka" (ot rukopisi k pechatnomu tekstu) [Dynamic Poetics of I. S. Shmelev's short story "The Shelf" (from the manuscript to the printed text)]. *The Problems of Historical Poetics*. 2018, vol. 16, no. 2, pp. 140–156.

Sorokina O. N. Tvorcheskiy put' I. S. Shmeleva v emigratsii [I. S. Shmelev's creative path in emigration]. In: *Dukhovnyy put' Ivana Shmeleva: stat'i, ocherki, vospominaniya* [The spiritual path of Ivan Shmelev: articles, essays, memoirs]. Moscow, Sibirskaya Blagozvonitsa, 2009, pp. 60–87.

Sosnovskaya O. A. Obraz knigi v ranney proze I. S. Shmeleva [The image of the book in the early prose of I. S. Shmelev]. *The Problems of Historical Poetics*. 2016, no. 14, pp. 333–345.

Zhantiyom-Kutyryn Iv. *Moy krestnyy: vospominaniya ob Ivane Shmeleve. Pis'ma I. Shmeleva* [My Godfather: memories of Ivan Shmelev. Letters of I. Shmelev]. Moscow, Izd. im. Sabashnikovoykh, 2010, 174 p.

List of sources

In: *Nauchno-issledovatel'skiy otdel rukopisey Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki. Fond. 387. Kart. 6. Ed. khr. 10. L. 6* [Research Department of the Russian National Library Fund 387, Card 6, Storage unit 10, Sheet 6]. Shmelev I. S. Zvezdy [Stars]; *Kart. 5. Ed. khr. 5. L. 8* [Research Department of the Russian National Library Fund 387, Card 5, Storage unit 5, Sheet 8]. Shmelev I. S. Pryanik (rasskaz doktora) [Gingerbread (the Doctor's story)].

Информация об авторе

Елена Юрьевна Шестакова, кандидат филологических наук, Гуманитарный институт филиала Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова в г. Северодвинске (Северодвинск, Россия)

Information about the author

Elena Yu. Shestakova, Candidate of Philology, Humanitarian Institute of the branch of the Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov in Severodvinsk (Severodvinsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 19.04.2021;
одобрена после рецензирования 18.05.2021; принята к публикации 18.05.2021
The article was submitted on 19.04.2021;
approved after reviewing on 18.05.2021; accepted for publication on 18.05.2021*